

18+

Алексей Готов

Четырнадцатый причал

Алексей Гротов

Четырнадцатый причал

«Издательские решения»

Готов А.

Четырнадцатый причал / А. Готов — «Издательские решения»,

В городе, где дождь идёт всегда, частный детектив Харроу привык к пропавшим мужьям и неверным жёнам. Но когда глубокой ночью к нему приходит женщина с просьбой найти мужа, исчезнувшего семь лет назад, он чувствует неладное. Она платит старыми купюрами и оставляет загадочную записку. Расследование приводит Харроу на заброшенный причал, где вместо ответов его ждут лишь новые вопросы. Чем глубже он копает, тем яснее понимает: правда в этом городе стоит дороже жизни. И у каждого она своя.

© Готов А.

© Издательские решения

Содержание

— —	8
Я обернулся	10
Она	13
И замер	14
Я помнил	15
Я нахмурился	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Четырнадцатый причал

Алексей Гротов

© Алексей Гротов, 2026

ISBN 978-5-0069-8320-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Женщина, которой не должно было существовать

Дождь в этом городе шел всегда. Это не была метафора. Я проверял. За двадцать три года работы частным сыщиком я вел дневник погоды. Восемь тысяч триста девяносто шесть дней. И в семи тысячах из них небо над городом напоминало свинцовый лист, с которого кто-то забыл стереть воду.

Мой офис находился в здании, которое архитектор спроектировал в припадке самоубийственной гордости, а теперь здесь пахло дешевым табаком, отчаянием и еще чем-то сладковатым — возможно, это гнила проводка в стенах. Или это гнил я сам. После того, как Элен ушла, я перестал различать запахи.

Было около трех часов ночи. Я сидел в кожаном кресле, которое помнило задницы трех поколений неудачников, и пытался убедить себя, что виски «Четыре розы» — это не завтрак, а просто лекарство от бессонницы.

В дверь постучали.

Стук был тихий, неуверенный. Так стучат не клиенты, а судьбы, которые еще не решили, стоит ли им впутываться в твою жизнь. Я хотел крикнуть «занято», но вместо этого пролил виски на галстук. Галстук был единственной вещью, которая осталась у меня от Элен. Я надел его три года назад и с тех пор не снимал. Даже в душе.

— Открыто, — сказал я голосом человека, который уже ничему не удивляется.

Дверь скрипнула, и в полосу света, падающего от настольной лампы с надломленным абажуром, вошла Она.

Я не люблю слово «красота». Оно слишком круглое и сытое для такого города. У нее было лицо, выточенное из утреннего льда — тонкое, острое, с губами, которые, казалось, вот-вот треснут, если она попытается улыбнуться. Но она не улыбалась. Шляпка с короткой вуалью отбрасывала тень на глаза, но я все равно заметил: они были красными. Она плакала. Долго. Возможно, всю дорогу сюда.

— Мистер Харроу? — спросила она голосом, который хрустел, как битое стекло под ногами.

— Допустим, — я не встал. В этом городе уважение нужно продавать, а не дарить бесплатно. — Садитесь. Только осторожно, кресло слева прострелено.

Она не села. Она стояла, сжимая в побелевших пальцах маленькую сумочку из крокодиловой кожи. Настоящий крокодил. Или очень хорошая подделка. В моем городе чаще встречалось второе.

— Мне нужна ваша помощь. Мой муж... он пропал.

Я вздохнул. В моей практике пропавшие мужья всегда оказывались либо в постели с секретаршей, либо в реке с камнем на ногах. Третьего не дано.

— Когда он пропал? — спросил я, доставая из ящика стола потрепанный блокнот.

— Семь лет назад.

Я поднял глаза. Шутка? Я присмотрелся. Нет. Она не шутила. В ее лице была та особая, мертвенная серьезность людей, которые слишком долго ждали. Вуаль дрожала мелкой дрожью.

— Миссис...

— Френч. Марго Френч.

— Миссис Френч, — я положил ручку. — Семь лет — это не пропажа. Это или новый паспорт, или кладбище. Полиция закрыла дело еще на второй год.

— Полиция ищет живых, — сказала она, и впервые в ее голосе прорезалась сталь. — А мне нужно доказательство, что он мертв.

Вот это было уже интересно. И опасно. Вдова, которая хочет убедиться в смерти мужа спустя семь лет, либо не получила страховку, либо...

— Вы его убили? — спросил я прямо. В нуаре не принято ходить вокруг да около. Жизнь коротка, особенно в этом городе.

Она не обиделась. Она сделала шаг вперед, и свет лампы наконец упал на ее лицо. Под левым глазом был маленький, давно заживший шрам — полумесяцем. И в этот момент я понял, что пропал. Не потому, что она была красивой. А потому, что у нее были глаза человека, который уже видел свое будущее в гробу и все равно пришел.

— Если бы я его убила, мистер Харроу, я бы не спала ночами. А я сплю. Сплю хорошо. Это главная проблема.

Она достала из сумочки конверт и положила на стол. Толстый конверт. Из него пахло деньгами. Старыми, тертыми деньгами.

— Это аванс. Я хочу, чтобы вы нашли его тело. Или доказательство, что он жив. Мне просто нужно знать правду. Любую.

Я посмотрел на конверт, потом на ее шрам, потом на дождь за окном, который лил так, будто хотел смыть этот город в море.

— Почему сейчас? — спросил я. — Почему не пять лет назад? Не два?

Она улыбнулась. И я пожалел, что спросил. Эта улыбка была страшнее, чем если бы она заплакала. В ней было столько горечи, что у меня заныли зубы.

— Потому что вчера я получила от него письмо. И в нем он просит меня приехать к нему. Туда, где он прятался все это время.

Она положила на стол смятый листок бумаги. Я развернул его. Почерк был мужской, твердый, но буквы дрожали к концу строки, будто руке было трудно держать перо.

Там было всего три слова: «Прости. Приезжай. Я здесь.»

И адрес. Склад на четырнадцатом причале. Тот самый район, где город встречается с океаном и где люди исчезают быстрее, чем успевают сказать «помогите».

Я взял конверт, взвесил его на ладони. Тяжелый. Достаточно, чтобы купить билет в один конец, но недостаточно, чтобы вернуться обратно.

— Миссис Френч, — сказал я, надевая плащ. — В этом городе у всего есть цена. Правда — самая высокая. Вы готовы ее заплатить?

Она подняла вуаль, и я наконец увидел ее глаза полностью. Зеленые. Цвета гнилой воды в доке.

— Я уже заплатила, мистер Харроу. Семь лет назад.

Она развернулась и вышла, оставив после себя запах гардений и дешевого отчаяния. А я остался сидеть, глядя на письмо, и чувствуя, как в груди ворочается то самое чувство, которое я похоронил вместе с надеждой семь лет назад.

Интерес.

Это всегда плохо кончается.

Глава 2. Четырнадцатый причал

Таксист высадил меня за три квартала до причала. Дальше он ехать отказался, сказал, что «там даже призраки не берут плату за постой». Я не спорил. В моей профессии спорить с приметам — всё равно что плевать против ветра.

Дождь здесь был другим. Не таким, как в центре — облачным и унылым. Здесь он пах солью, ржавчиной и чем-то сладковато-тошнотворным. Возможно, это был прилив. Или, может быть, в воду кто-то сбросил разлагающийся груз.

Четырнадцатый причал встречал меня тишиной. Такая тишина бывает только в местах, где звуки умерли раньше, чем люди. Старые склады стояли в ряд, похожие на надгробья. Номера почти стерлись. Только на одном, облупившемся, красной краской, похожей на запекшуюся кровь, было выведено «14».

Дверь была не заперта.

Я достал «Кольт» из кобуры под мышкой. Металл был холодным, как совесть этого города. Толкнул дверь. Петли завывали — то ли от старости, то ли от ужаса.

Внутри пахло сыростью, мышами и... гардениями.

Я замер. Тот же запах, что от миссис Френч. Только здесь он был гуще, навязчивее, словно кто-то пытался перебить им запах смерти.

— Мистер Френч? — позвал я. Голос прозвучал глупо и громко.

Свет фонарика выхватил из темноты штабеля ящиков, разбитую лебедку, груды промасленной ветоши. А потом — ноги.

Он сидел в углу, прислонившись спиной к стене. На вид — лет пятьдесят, хотя трудно было сказать точно, потому что его лицо... его лицо улыбалось. Это была не улыбка покойника, нет. Это была улыбка человека, который только что решил самую сложную задачу в своей жизни и теперь смотрит на ответ с облегчением.

Глаза открыты. В них застыло удивление.

Я опустился на корточки. Не трогал ничего. Профессиональная привычка. Пуля вошла в висок. Чисто. Профессионально. Убийца знал, что делает, и даже не торопился.

В руке у Френча был зажат еще один листок бумаги. Я взял его краем носового платка. На нем было написано одно предложение, и почерк был уже не дрожащим, а ровным, спокойным.

«Она все равно придет. Она обещала».

Холодок пробежал по позвоночнику. Я осветил вокруг. Никаких следов борьбы. Он ждал убийцу. Он знал, что его убьют, и всё равно сидел здесь с этой дурацкой, блаженной улыбкой, потому что...

Потому что он думал, что это она.

Я сунул записку в карман и уже собирался встать, когда свет фонарика выхватил в углу, за ящиками, что-то блестящее. Маленький, изящный пистолет дамской сумочки. Я поднял его. Заряжен. Не стреляли. Просто бросили.

И рядом — клочок кружева. Такой же, как на воротнике платья Марго Френч.

Я медленно выпрямился. Все пазлы складывались слишком легко. Слишком красиво. Это походило на те дешевые детективные романы, которые продают на вокзалах, где преступника вычисляют по первой же улике.

За моей спиной скрипнул пол.

— Стоять, — сказал я, не оборачиваясь. — У меня пистолет и плохое настроение. Это плохая комбинация для того, кто крадется.

— Мистер Харроу, — раздался голос. Спокойный, мужской, с легкой хрипотцой человека, который много курит и еще больше знает.

Я обернулся

В дверях стоял капитан полиции Рейли. Толстый, с лицом, похожим на кусок сырого теста, и глазами, которые видели в этом городе всё, включая то, что лучше бы не видеть.

— Харроу, — он тяжело вздохнул, как кит, выныривающий на поверхность. — Я так и знал, что найду тебя здесь. Ты как таракан — всегда выползаешь туда, где пахнет жареным.

— Рейли, — я кивнул на труп. — Твой покойник. Что скажешь?

Рейли подошел, наклонился, кряхтя. Посмотрел на пулевое ранение, на улыбку, на записку у меня в руке.

— Скажу, что ты вляпался, Харроу. По самые помидоры.

Он взял у меня записку, прочитал и хмыкнул.

— Женщина. Всегда женщина. Знаешь, кто это?

— Знаю, — сказал я. — Его жена. Марго Френч. Она наняла меня сегодня ночью.

Рейли посмотрел на меня с выражением, которое я видел у него только раз — когда мы нашли тело пропавшего судьи в бочке с соленой рыбой.

— Харроу, — медленно сказал он. — Марго Френч умерла шесть лет назад. Утонула. Тело нашли через три дня у пирса. Дело закрыто. Самоубийство.

Вот тут-то я впервые за много лет почувствовал, как холодный пот стекает у меня по спине.

— Это невозможно, — сказал я. — Она была у меня в кабинете. Два часа назад. Она говорила со мной. Она пахла цветами.

Рейли молча достал из внутреннего кармана сложенный газетный лист. «Кроникл». Датирован тремя годами назад. Он ткнул пальцем в заметку на пятой странице.

Там было фото. Женщина в гробу. Бледная, восковая, но это была она. Те же острые скулы. Тот же шрам полумесяцем под глазом.

Марго Френч. 1910 — 1946.

— Ты стареешь, Харроу, — сказал Рейли без злорадства. Почти с сочувствием. — У тебя галлюцинации. Или ты пил так много, что уже не отличаешь живых от мертвых.

— Я не пил, — сказал я, хотя мы оба знали, что это ложь.

Я достал из кармана конверт, который она оставила. Тот самый, с авансом. Вытряхнул деньги на ладонь.

Купюры были настоящие. Но когда я поднес их к свету фонарика, Рейли присвистнул.

На каждой купюре стоял год выпуска. 1945. Шесть лет назад. Такие давно вышли из оборота. Их используют только коллекционеры... или те, кто умер до денежной реформы.

— Харроу, — Рейли положил тяжелую руку мне на плечо. — Бросай это дело. Забудь. Скажешь, что нашел труп случайно. Я оформлю как бродягу. Никто не узнает.

Я посмотрел на улыбающееся лицо Френча. Он знал. Он знал, что его мертвая жена придет за ним. И он ждал её семь лет. Не прятался. Ждал.

Я сунул деньги обратно в конверт. Встал.

— Нет, Рейли. Я не брошу.

— Потому что, — сказал я, чувствуя, как в груди разгорается тот самый, давно забытый огонь. — Потому что она сказала мне правду. Она хотела знать, жив он или мертв. Я узнал. Теперь я должен сказать ей.

Рейли перекрестился. Я не знал, что он верующий.

— Ты идиот, Харроу, — сказал он без злобы. — Ты пытаешься вернуть долг мертвецу.

— Нет, — я направился к выходу, пряча пистолет. — Я просто хочу посмотреть ей в глаза. Еще раз. И спросить, зачем она меня наняла, если собиралась убить его сама.

— А если она тебе ответит? — крикнул Рейли мне вслед. — Если она действительно мертва, Харроу? Что тогда?

Я остановился на пороге. Дождь лил, как из ведра. Холодный, соленый, бесконечный.

— Тогда, — сказал я, не оборачиваясь, — значит, в этом городе даже у смерти есть свое алиби.

Я вышел в ночь. А за моей спиной остался мертвец с улыбкой на лице и полицейский, который видел слишком много, чтобы верить в чудеса.

Но самое странное было впереди.

Когда я вернулся в свой офис, на столе, там, где еще два часа назад сидела Марго Френч, лежала одна-единственная вещь.

Мокрая гардения.

И записка, написанная тем же твердым, ровным почерком, что и предсмертная записка Френча:

«Спасибо, мистер Харроу. Теперь мы можем быть вместе. Вы придете на похороны? Завтра. В десять. Кладбище Святого Михаила.»

Я сел в кресло. Достал виски. Налил.

За окном лил дождь. И я вдруг понял, что это единственный город в мире, где мертвые женятся на живых, а частные детективы получают гонорары деньгами, которым шесть лет, и приглашения на собственные похороны.

Потому что завтра в десять утра на кладбище Святого Михаила хоронят не Френча.

Там вырыта могила на одного.

И на камне выбито мое имя.

Глава 3. Тот, кто приходит на свои похороны

Я не спал до утра. Сидел в кресле, сжимая в пальцах остывшую гардению, и смотрел на дождь. Мыслей не было. Только ощущение, что реальность дала трещину, и теперь в эту трещину сочтется что-то, чему нет названия в полицейских протоколах.

В шесть утра я побрился. Смотрел на себя в мутное зеркало — под глазами мешки, щетина серая, как пепел. Харроу, ты похож на человека, который собирается на собственные похороны. Усмехнулся собственной шутке. Зря.

Оделся в лучшее, что у меня было: черный костюм, в котором я хоронил Элен. Он висел в шкафу три года, пропитанный нафталином и тишиной. Галстук — тот самый, что она мне подарила — я оставил. Если уж судьбе было угодно, чтобы я встретился с мертвой женщиной на кладбище, то выглядеть я должен был так, будто меня уже нечем удивить.

Кладбище Святого Михаила находилось на северном холме, там, где город наконец сдавался и уступал место туману и высоким травяным могилам. Я приехал на такси, расплатился последними живыми деньгами и пошел вверх по аллее, вымощенной плитами, которые помнили еще тех, кто умер до того, как этот город стал проклятым.

Дождь перестал. Впервые за много дней. Но небо оставалось низким, серым, будто кто-то накрыл мир крышкой гроба.

Я ожидал увидеть процессию. Черные зонты, плачущих старух, священника с усталым лицом. Ничего этого не было.

У свежей могилы стоял только один человек.

Она

Марго Френч стояла спиной ко мне, в том же платье, что и вчера, только теперь без шляпки. Темные волосы были собраны в узел, открывая шею — тонкую, слишком белую, с одинокой родинкой у ворота. В руках она держала букет гардений. Таких же, как та, что осталась на моем столе.

Я подошел медленно. Ботинки тонули в сырой земле.

— Миссис Френч, — сказал я, останавливаясь в трех шагах.

Она не обернулась.

— Вы пришли, мистер Харроу. Я знала, что вы придете.

— Любопытство — это моя профессия. — Я посмотрел на могилу. Свежий холмик, венок из белых лилий, табличка с именем. Я наклонился, чтобы прочитать.

И замер

На табличке было выбито: «Филип Френч. 1905—1953».

Не мое имя.

Я выпрямился, чувствуя, как где-то в груди отпускает тугой узел. Глупость. Конечно, она звала на похороны мужа. Я просто перечитал записок, перенервничал, накрутил себя. В этом городе паранойя — не болезнь, а необходимый навык.

— Вы нашли его, — сказала Марго, и в ее голосе не было вопроса. Только констатация. — Я знала, что вы справитесь быстрее полиции.

— Он был на складе. Четырнадцатый причал. Убит выстрелом в висок. Профессионально. Чисто.

Я ждал, что она вздрогнет, заплачет, упадет на колени. Вдовам положено рыдать, особенно если они ждали мужа семь лет, а нашли его с пулей в голове.

Марго просто кивнула.

— Он всегда боялся, что это будет некрасиво. Боялся крови. Странно, правда? Человек, который делал такие вещи, боялся вида собственной крови.

— Какие вещи? — спросил я. — Чем занимался ваш муж, миссис Френч?

Она наконец повернулась ко мне. Глаза ее были сухими. Не красными, не опухшими — сухими, как пыль на старых книгах. И в них не было скорби. Было что-то другое. Облегчение. Или усталость. Или то и другое вместе, когда уже не различишь.

— Вы не читали вечерние газеты семь лет назад, мистер Харроу? — спросила она. — Вы не помните дело «Гардений»?

Я помнил

Это слово ударило меня, как удар током. Дело «Гардений». 1946 год. Серия убийств в портовом районе. Четыре женщины. Всех находили с гарденийей во рту. Убийцу так и не нашли. Дело списали на «неизвестного маньяка», и оно утонуло в ворохе других нераскрытых преступлений этого города.

— Это был Филип, — сказал я. Это был не вопрос.

— Да, — она произнесла это так спокойно, будто говорила о том, что ее муж предпочитал кофе с молоком. — Я узнала через год после свадьбы. Случайно. Нашла его дневник. И вещи. Вещи тех женщин.

Она замолчала, глядя на могилу. Ветер шевелил волосы у нее на затылке, и мне показалось, что я вижу сквозь них свет. Просто игра тумана.

— Я хотела уйти, — продолжила она. — Уйти к полиции. Но он сказал, что убьет меня. И я знала — убьет. Филип был очень... аккуратен. Он ждал семь лет, прежде чем нанести первый удар. Он умел ждать.

— Поэтому вы сказали, что не убили бы его? — вспомнил я наш разговор в офисе. — Потому что боялись?

Она покачала головой.

— Нет, мистер Харроу. Я сказала, что сплю спокойно, потому что я его не убивала. Я хотела, чтобы это сделали вы.

Тишина повисла между нами, тяжелая, как надгробная плита.

— Я? — медленно переспросил я. — Вы наняли меня, чтобы я нашел его тело, а не чтобы...

— Я наняла вас, чтобы вы нашли его, — перебила она. — Живым или мертвым. Я знала, что если он жив, то убьет меня при встрече. Если мертв — значит, кто-то сделал это за меня. Я не хотела быть его убийцей. Я просто хотела быть свободной.

— И кто же его убил? — спросил я. — Вы знали, что он мертв, еще до того, как я пошел на склад. Вы ждали не новостей. Вы ждали подтверждения.

Она улыбнулась. Та же улыбка, что в офисе — горькая, треснутая.

— Я думала, что это сделали вы, мистер Харроу. Я надеялась. Когда прочитала, что вы беретесь за старые дела, я подумала: вот человек, который не боится грязи. Который не спросит разрешения у закона. Я принесла вам деньги и надежду, что вы просто найдете его и пристрелите, как бешеную собаку. Но вы оказались... слишком честным.

— Я не убиваю людей, миссис Френч. Я их нахожу.

— А он убивал, — сказала она жестко. — Четырех. И чуть не убил меня. В ту ночь, когда я утонула.

Я нахмурился

— Вы не тонули. Ваше тело нашли. У вас есть могила.

— Тело, которое нашли, — она посмотрела мне прямо в глаза, и впервые в ее взгляде появилось что-то живое, почти веселое. — Это была моя сестра. Близняшка. Ирэн. Мы менялись местами в детстве, никто не мог нас различить. Когда Филип сказал, что убьет меня, я попросила ее... занять мое место. На одну ночь. Чтобы я успела сбежать.

Она замолчала. Гардении дрожали в ее руках.

— Он убил ее, — прошептала она. — Думая, что это я. А я смотрела с пирса. Смотрела, как он топит ее в темной воде. И ничего не сделала. Потому что боялась.

Я смотрел на нее. На эту женщину, которая позволила убить свою сестру, чтобы спастись. На женщину, которая семь лет ждала, когда кто-то другой убьет ее мужа. Которая пришла ко мне не за правосудием, а за чистой совестью.

— Поэтому вы не могли прийти в полицию, — сказал я. — Потому что тогда бы вскрылось, что вы живы, а ваша сестра мертва. И вы — соучастница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.